

Заметив, что привлёк всеобщее внимание, Бай Сяньчэнь поспешно добавил строчкой ниже: «Это недоразумение! Через три дня духовный зверь вернется сам».

Увидев эту приписку, Линь Цзин, до того брызгавший яростью, покраснел и замялся:

— Недоразумение? А что ж ты раньше молчал?

Бай Сяньчэнь понурил голову, изображая крайнюю стесненность, – словно Линь Цзин его до смерти запугал.

Тот в ответ лишь раздосадованно взъерошил волосы: с этим немой каши не сварить.

Старейшина Тёмного Наказания, видя, что назревавший конфликт сходит на нет, поспешил избавиться от проблемы, которую сам же переложил на Се Уцзю:

— Впредь не будь столь опрометчив. Раз это недоразумение – свободны. У меня есть дела к главе секты.

Линь Цзин засомневался:

— А если через три дня мой зверь не вернется?

Терпение старейшины лопнуло:

— Если не вернется, я сам пойду его искать. А не найду – скажешь учителю, пусть приходит сюда со своим Громовым Молотом и разносит мой Зал Наказаний в щепки. Ну что, доволен? Или еще поспоришь?

Линь Цзин только открыл рот, как температура в зале резко упала. Юноша вздрогнул: от возвышения к его ногам поползли ледяные трещины. Мороз стягивал пол, готовый в любой миг поглотить дерзкого ученика.

Это Се Уцзю терял терпение.

Бай Сяньчэнь уставился на узор трещин, и его рука непроизвольно сжалась в кулак.

К счастью, предупреждение предназначалось Линь Цзину, и тот мгновенно струхнул.

Линь Цзин и так всегда испытывал перед главой секты трепет, смешанный с ужасом; лишь гнев из-за пропажи зверя придал ему смелости, но теперь разум вернулся к нему. Он начал было лепетать извинения.

Се Уцзю оборвал его:

— Ступайте.

Против слова главы не пойдешь. Линь Цзин замолчал и поманил Бай Сяньчэня за собой.

Бай Сяньчэнь мечтал лишь об одном – вылететь из Зала Наказаний на крыльях ветра.

В целом всё прошло гладко: ничего страшного не случилось, Се Уцзю не учуял подвоха.

Но стоило Бай Сяньчэню и Линь Цзину подойти к дверям, как серебристые руны, мирно парящие у колонн, внезапно пришли в движение. Две цепочки символов отделились и без

колебаний устремились прямо к Бай Сяньчэню!

Бай Сяньчэнь похолодел: «Дело дрянь».

В Зале Наказаний было четыре вида рун: допроса, сковывания, кары и защиты храма.

Первые три начертал сам старейшина Тёмного Наказания – это были рабочие инструменты зала. Но руна защиты храма была установлена лично главой Се Уцзю. Она была редкой «птицей»: в ней были заложены все суровые правила секты плюс личные наработки Се Уцзю, полученные при постижении Пути Бесстрастия.

Любого злокозненного демона, вошедшего в зал, эти руны должны были мгновенно превратить в ледяную крошку.

Увидев, что к нему летят именно защитные руны, Бай Сяньчэнь мысленно выдал длинную тираду из ругательств.

Когда-то, уже пав в демоничество, он пришел сюда, готовый быть уничтоженным. Но тогда, несмотря на все его порочные мысли о Се Уцзю, руны даже не шелохнулись. Он тогда спокойно похитил учителя, не потревожив ни единого символа.

А теперь, когда в его голове не было ни единого темного помысла, эти бумажки ожили? Издеваются над честным человеком?

Бай Сяньчэнь напрягся, готовый в миг атаки испепелить руны огнем.

Но серебристые знаки, подлетев к нему, лишь нежно обвилились вокруг его талии. Они не пытались его ни задушить, ни заморозить – напротив, они словно ластились, терлись о его одежду, не желая отпустить.

Ложная тревога...

Бай Сяньчэнь еще не успел перевести дух, как заметил ошарашенное лицо Линь Цзина. Этот взгляд мгновенно отрезвил его.

Постойте-ка!

Он сейчас – Ван Кэ, рядовой внешний ученик, который в жизни не бывал в Зале Наказаний. С чего бы защитным рунам так необычно на него реагировать? Это подозрительное «обожание» было куда хуже прямой атаки...

В голове у Бай Сяньчэня всё перемешалось, и он инстинктивно попытался отогнать руны руками.

Но стало только хуже: символы начали лезть ему под полы халата. Если бы Бай Сяньчэнь не помнил, что играет роль немого, он бы заорал во всё горло: «Ребята, кончайте, у меня новый аккаунт!»

Пока он отбивался от рун, остальные присутствующие наконец вышли из оцепенения.

Старейшина Тёмного Наказания даже вскочил с места. Сначала он подумал, что руны почуяли нечисть и готовятся к убийству, но, увидев, как они буквально кокетничают с учеником, ощутил, что мир рушится. Он застыл, не зная, как на это реагировать.

Линь Цзин сообразил быстрее: видя, что Бай Сяньчэнь борется с рунами, он протянул руку на помощь, но стоило ему лишь коснуться края серебристого свечения, как он взвыл от холода.

После вопля Линь Цзин впал в еще больший ступор.

Он понял, что руны обжигают морозом, но Бай Сяньчэнь, окутанный ими с ног до головы, не выказывал боли – лишь легкое раздражение.

Он такой морозостойкий? Или уже промерз до бесчувствия?

Пораженный Линь Цзин с надеждой посмотрел на возвышение.

Бай Сяньчэнь краем глаза заметил, как Се Уцзю слегка повел рукой. Руны, только что пытавшиеся забраться ему за пазуху, внезапно поникли и нехотя отлетели прочь. Вернувшись к колонне, они не успокоились, продолжая мелко и возбужденно дрожать.

Бай Сяньчэню холодно не было, но он на всякий случай изобразил запоздалую дрожь, подражая реакции Линь Цзина.

Старейшина Тёмного Наказания пришёл в себя. Сменив пренебрежительный тон на мягкий, он обратился к Бай Сяньчэню:

— Дитя, как твое имя?

На памяти старейшины было лишь несколько человек, на которых защитные руны реагировали подобным образом. Как правило, это были люди с врожденным талантом к Пути Бесстрастия или те, чья душа идеально соответствовала его канонам.

Правда, среди тех немногих было одно исключение – единственный ученик главы, Бай Сяньчэнь. Старейшина всегда считал, что Бай Сяньчэнь и Путь Бесстрастия – вещи несовместимые, но, возможно, из-за того, что тот слишком долго находился под влиянием ауры Се Уцзю, руны частенько «здоровались» с ним.

Вспомнив о нем, старейшина невольно вздохнул.

Его тоскливый вздох перекрыл голос Линь Цзина:

— Он немой от рождения, так что я отвечаю за него. Его зовут Ван Кэ.

Линь Цзин изобразил в воздухе иероглифы имени.

Старейшина спросил:

— Он проходил проверку в Зале Испытаний?

Культиваторы Нефритового Небосвода в основном были мечниками, но были и те, кто занимался талисманами, алхимией или гаданиями. В Зале Испытаний проверяли таланты новичков и распределяли их по соответствующим пикам.

Линь Цзин:

— Проходил. Кхм... Ван Кэ провалился по всем дисциплинам. В итоге его в порядке исключения отправили на Пик Десяти Тысяч Образов разнорабочим.

На самом деле с такими данными Ван Кэ должны были выставить вон, но Старец Ста Трав, отвечавший за экзамен, увидел, что парень хоть и нем, но обладает чистой и честной душой, и оставил его у себя.

Линь Цзин старался выбирать выражения, но эффект всё равно был сомнительным.

Старейшина Тёмного Наказания не терял надежды:

— И какую работу он выполняет?

Вспомнив про кролика, Линь Цзин снова надулся:

— Приглядывает за зверьем. Вот, собственно, и приглядел – моего потерял...

Старейшина промолчал.

Что ж, работа и впрямь была третьестепенной.

Старейшина Тёмного Наказания тут же нашёл объяснение поведению рун: Старец Ста Трав был суров, и раз он взял парня к себе, значит, душа у того действительно кристально чистая. Логично, что защитные руны потянулись к столь чистому существу.

Старейшина с сожалением кивнул.

Наконец Бай Сяньчэнь мог уйти.

Старейшина, не опасаясь, что ученики услышат, прямо сказал Се Уцзю:

— Эта Великая церемония принятия учеников хоть и устраивается ради Старца Ста Трав, но вы тоже могли бы присмотреться, не приглянется ли кто.

Значит, снова намечается церемония.

Бай Сяньчэнь и Линь Цзин услышали это и сразу поняли истинный смысл вопросов старейшины.

Впрочем, посредственность остается посредственностью, это была лишь случайность. Старейшина зря тратил время.

Линь Цзин, вспомнив свои честные ответы, на мгновение устыдился, но тут же успокоил себя: он не стал врать и расхваливать Ван Кэ, чем, по сути, спас его. Если бы тот попал на церемонию, где пришлось бы состязаться, Ван Кэ с его навыками там бы просто пришибли ненароком.

Мечты – это хорошо, но когда они слишком далеки от реальности, это уже галлюцинации.

Надо смотреть правде в глаза.

Заметив, что его спутник застыл в прострации, Линь Цзин толкнул его в плечо:

— Эй, не бери в голову. Тебе и так неплохо живется.

Бай Сяньчэнь кивнул.

Обстановка навеяла воспоминания о том разговоре, который в прошлый раз подтолкнул его к похищению Се Уцзю...

«Если бы тебе дали еще один шанс, ты бы снова взял меня в ученики?»

«Нет».

Вспомнив это твердое «нет», Бай Сяньчэнь горько усмехнулся про себя.

Если бы ему дали шанс, он бы больше не стал допытываться ответа. Пусть уроки прошлой жизни останутся в прошлом.

Теперь уже неважно, кого Се Уцзю возьмет в ученики.

Кстати говоря, Се Уцзю должен быть ему благодарен.

Не прояви Бай Сяньчэнь тогда свою жестокость, Се Уцзю никогда бы не понял, насколько осторожным нужно быть в выборе преемника. После такого потрясения даже этот бесстрастный человек наверняка будет держать ухо востро и выберет кого-то, кто уж точно не станет зариться на собственного учителя.

Бай Сяньчэнь еще немного поразмышлял о своем и решил, что сейчас его главная задача – найти письмо для настоящего Ван Кэ.

Нужно поскорее убираться из секты Нефритового Небосвода.

Заметив, что Бай Сяньчэнь спешит к выходу, Линь Цзин хлопнул себя по лбу:

— погоди! Сначала скажи мне, где всё-таки мой кролик?

...

В Зале Наказаний, когда шаги за дверью окончательно стихли, Се Уцзю задумчиво посмотрел вслед ушедшим.

Ученик по имени Ван Кэ пришел с понурой головой и так же ушел. Он ни разу не осмелился поднять взгляд, сразу начал дрожать, а встретившись с ним глазами, тут же испуганно отвернулся. Сначала он выглядел готовым покорно принять кару, но стоило услышать, что судить будет глава, как тут же начал оправдываться. Явно боялся до икоты.

Стоило Се Уцзю бросить на него взгляд, как тот начинал дрожать. В конце концов Се Уцзю намеренно перестал смотреть в его сторону, и лишь тогда «Ван Кэ» немного успокоился.

Се Уцзю привык к таким взглядам: ученики вечно навоображают себе лишнего, наслушаются слухов, и при встрече с ним или старейшинами у них поджилки трясутся. И хотя Ван Кэ казался необычайно пугливым, его поведение укладывалось в рамки нормы.

Поначалу Се Уцзю почувствовал лишь легкое недоумение, но выходка серебристых рун дала ему кое-какую подсказку.

Но подсказка эта была пугающе нелогичной.

Тот человек действительно испустил дух в его руках. Его душа должна была давно переродиться, и если ему повезло, сейчас тому ребенку было бы уже лет десять.

Возможно, просто совпадение?

Видя, что внимание главы приковано к выходу, старейшина Тёмного Наказания прекратил свои уговоры об учениках и тоже глянул в ту сторону:

— Глава секты, что-то не так?

Се Уцзю отвел взгляд и опустил ресницы, скрывая сомнения.

Старейшина горестно вздохнул, решив, что глава просто не хочет его слушать, и не удержался от попрека:

— В свое время Старец Ста Трав умолял вас больше не видеться с Сяньчэнем, но вы настояли на своем. После вы исчезли с ним на месяц, а вернулись лишь с его вещами, сказав, что он ушел на перерождение, и с тех пор ни разу не посетили церемонию принятия учеников. Что же тогда произошло? Столько лет прошло, а вы всё не можете отпустить?

Старейшина всегда верил, что Се Уцзю сам убил Бай Сяньчэня и все эти годы мучился угрызениями совести.

Он и не догадывался, что на деле всё было куда сложнее.

Но раз Се Уцзю молчал, оставалось только гадать.

Правду о тех событиях Се Уцзю действительно не мог доверить никому.

Видя, что глава безмолвствует, старейшина махнул рукой – он и не ждал откровений:

— Что бы ни случилось, это должно остаться в прошлом.

Се Уцзю кивнул, показывая, что услышал.

Старейшина с облегчением решил закрепить успех:

— Значит, на этой церемонии я сам присмотрю для вас кандидатов.

Ответ Се Уцзю был коротким и резким, не терпящим возражений:

— Не нужно. Я не приду.

Прежде чем старейшина успел возразить, Се Уцзю исчез, оставив после себя лишь ледяной вихрь, взъерошивший седину старика.

Старейшина Тёмного Наказания молча смахнул иней с лица.

<http://bllate.org/book/19453/1908638>